

Лена Птица

Бой-бой, Вася!

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
Л44

Лена Птица

Бой-бой, Вася! / Лена Птица — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 145 с.

ISBN 978-5-532-05937-5

Мой герой - один из нас. Вроде обычный мужчина сорока лет, проживающий вроде обычную жизнь... Но вместе с тем поборовший две смерти и сейчас сражающийся с третьей - Борисом Паркинсоном. Герой, который в семнадцать лет хватал звезды с неба, а в двадцать скатился на самое дно: наркотики, всеобщее презрение, тюрьма. Герой, который поднялся и пошел дальше, основал компанию и вновь заработал свой миллион и уже не один. Герой, идущий сквозь лавры и тернии. Жалуешься на судьбу, ропщешь на Бога ? Спроси у Васи - почём нынче фунт лиха? Содержит нецензурную брань.

Часть 1. Мама верила

Смородина

Я бежал по проторённой дорожке мимо жёлтого пшеничного поля, зелёных садов, коричневых, крепко сбитых заборов к дому деда Семёна. Бежал за смородиной, громыхая ведром и поднимая тяжёлые клубы жирной тёмно-серой пыли. Смородину у деда начал продавать лет с восьми, а сейчас мне уже одиннадцать, и у меня есть первая и очень амбициозная цель – накопить на породистую овчарку Виту (имя придумал давно, наверно, ещё до желания завести собаку).

В саду деда Семёна у меня было своё тайное местечко. За яблонями, в кустах душистой чёрной смородины, я стелил старенький матрас, бросал скошенную дедом траву и валялся там часами, предаваясь бесконечным фантазиям и читая книжки.

Читал я в детстве много, упиваясь новыми открытиями, с головой погружаясь в яркую приключенческую жизнь героев. Обожал Драйзера, Мориса Дрюона, особенно серию романов "Проклятые короли", Гюго, Дюма, вообще, французскую классику, а также Толстого, Гоголя и всего Шерлока Холмса Артура Конан Дойла. А вот основную учёбу не жаловал, ходил в школу скрепя сердце, часто прогуливал, но был хваток и зарабатывал честные тройки. Любимыми предметами грезилась – необозримая, пёстрая, вечно вращающаяся на глобусе география; палящая, пахнущая дымом и интригами история, уже тогда одобренная «Баязетом» и «Моонзундом» Пикюля, ну и физическая культура – классика троечников. Ненавидел точные науки и русский язык, который ещё откликнется мне за нелюбовь, надаёт хлёстких пощёчин. Тяга же к чтению, к литературе будет со мной всегда и в будущем наставит меня на путь истинный, можно сказать, спасёт.

Однажды, как чёрт из табакерки, в мой тайник представился дед и сказал: "Васька, нечего лежать под кустами и мечтать о кренделях

небесных! Иди вон смородину собирай и продавай на дороге проезжающим. Ведро – тринадцать рублей. Мне с ведра будешь отдавать двенадцать, рубль – твой». Сначала у меня не было особого желания лазить в жару в колючих кустах и собирать бесконечно мелкую и долгую ягоду: пока наберешь ведро, полжизни пройдет. Но потом приспособился: главное в этом нудном деле – закрыть дно, как только засыпешь дно, процесс шел веселее. Ещё веселее процесс пошёл с появлением в моей детской, но уже буйной на фантазию, голове радостно виляющей хвостом Виты с умными глазами.

Я вставал рано утром и ещё по прохладцу набирал два ведра, на это уходило три-четыре часа, затем бежал на трассу. Основными покупателями были туристы, едущие с озера Иссык-Куль, они брали смородину не торгуясь, да и прицениваться возможности не было, ближайшие мои конкуренты располагались на расстоянии. Я смекнул, что ведро не грех продавать и по четырнадцать, и даже по пятнадцать рублей, из которых два оседало в моём кармане, точно скроенных мамой по «Бурде» штанов. Под конец дня моя денщина составляла четыре-шесть рублей, в зависимости от того, сколько вёдер смородины я набирал.

К концу лета я заработал около ста рублей, ещё пятьдесят подарили родители на день рождения. И самым счастливым, уже осенним днём я бежал, пряча за пазухой дрожащую от дождя Виту, с родословной, умными глазами и хвостом. Тогда я понял, что цель в жизни нужна и важна, только ещё её надо хотеть, цель эту, а с хотением у меня никогда проблем не было.

Деды

Дед Семён, Семён Федотов, это дед по матери. Мама родилась поздним ребёнком у деда с бабой, разница с братом Анатолием пятнадцать лет, а со старшим Иваном все двадцать.

Каждое лето мать привозила меня с моим младшим братом Семёном, естественно, названным в честь деда, в него и пошедшим, на лето в село Кутурга (сейчас Кутургу) Тюпского района Иссык-Кульской области в Киргизии.

Село росло зажиточное, около трёх тысяч дворов, в основном русских, киргизов жило очень мало, что и понятно: Кутургу основали в начале двадцатого века крестьяне-переселенцы из Полтавской губернии, народ работающий и дельный. Жаркий климат с холодными ночами и земля – плодородное черноземье – оказались под стать трудолюбивым полтавцам, растёт, что угодно, палку воткни – зацветёт.

Дом деда на селе стоял первым, сразу после пшеничных полей, на улице Нагорной. Дом дед строил сам, потихоньку, пристройками, оттого он походил на кишку: две большие жилые комнаты, летняя и зимняя кухни, длинный-длинный коридор, уставленный вдоль стен бочками мёда, флягами с самогоном и прочей утварью до самого потолка. Этот коридор нам с Семёном всю жизнь снится: каждый день по наказу деда мы мыли полы в трёх водах, ругались до драк. Семён моет, я за ним с сухой тряпкой иду, а лапы остаются, всё ему непонятно было, что не мог я не топтать.

До последнего дед всё что-то строил: сарай, погреба, клетки, амбары; всё засаживал и без того огромный сад и в соток десять огород, с помидорами, капустой, огурцами и картошкой. Позже дед разбил палисадник, посадил его грушами, часть ульев вместе с собакой Стрелкой переселил "на парадную".

Сколько помню деда Семёна, а помню только деда, бабушка умерла раньше, мы с братом её почти не застали, он всегда работал только на себя, занимался пчеловодством и самогоноварением, продавал колхозу яблоки, груши, смородину, картошку, мёд. Как это ему

удавалось — для меня до сих пор загадочно. Во времена, когда большевики активно боролись с кулаками, силой и кровью сгоняли народ в колхозы, дед разживал своё хозяйство и спекулировал на носу у пролетариев.

Властный, суровый, твёрдый, хромал на правую ногу, ходил с костылём, но ходил при этом очень быстро, не убежать. В общем, деду было на внуков похрен, питались мы, чем бог послал, дед особо не мудрствовал на кухне: картошка, макароны, хлеб да мёд, ну и всё, что росло в саду и огороде. Один — единственный день, когда дед был к нам с братом равнодушен — это суббота, день бани. Он заваривал травы в тазьях и парил нас, чёрных, как уголь, почти в кипятке, по очереди окуная в огненное душистое разнотравье. Мы верещали, сопротивлялись, но деду, сухому, жилистому, как столетний дуб, наши визги и вихляния были лишь жужжанием пчёлы, лёгким ветерком. Вылетали мы из бани красными, злыми, но вновь похожими на детей.

Дед завещал дом свой продать соседу-киргизу, Акимбеку, так и сделали. Сейчас же хочу я этот дом выкупить, чтобы приезжать туда на лето отдыхать и возвращаться, хоть ненадолго, в детство.

А ещё, по линии отца, жили дед Буго и дед Боев. Деда Буго не помню, он умер; через несколько лет бабушка вышла замуж за Боева, моему отцу на тот момент исполнилось двенадцать. Получается, что дед Боев не родной отец моему отцу, но фамилия осталась на род, дальше все мы пошли Боевы. У деда Боева с бабушкой родилась дочь Татьяна. В будущем стала крупным предпринимателем, в тридцать два года руководила молочным заводом тогда ещё в Алма-Ате, но за какие-то махинации её чуть не посадили. На смену заводу тётка основала сеть продуктовых магазинов и получила второе гражданство в Канаде. Сейчас имеет прибыльный бизнес и живёт на две страны.

Возвращусь к деду Боеву. Дед прошёл всю войну, получил звание морского офицера, служил в Ленинграде и на Балтике. Помню его седым, высоким, статным, со своими принципами и правилами жизни, в основном советскими, но честными, прямыми: хорошо учиться, сделать карьеру, не воровать. Дед Василий очень гордился

своими орденами, особенно морским кортиком – символом доблести русского флота, подаренным ему во время войны. Стальной, тонкий – тонкий, в длину сантиметров двадцать пять, с ручкой из слоновой кости с гербом и звездой; ножны имели деревянную вставку, обтянутую чёрной кожей с изображением якоря и корабля.

Позже, когда я подсяду на наркотики, я выкраду у деда Василия все ордена и дорогóй его сердцу кортик, потом одумаюсь, верну, но дед не простит.

Тупые попугаи

1988 год. В нашем спорткомплексе «Медеу» шёл очередной чемпионат мира по конькобежному спорту. Народу, пёстрого, многоголосого, тысячи, как пчёл на пасеке у деда Семёна. Мы с моим закадычным другом Ренатом, набив полные карманы значками с советской символикой, пролезали меж рядов, ища глазами забавных и ярких иностранцев.

«Медеу» – самый высокогорный каток в мире, расположенный в Казахстане, в пятнадцати километрах от Алма-Аты. Уникальность катка заключается в разреженном на высоте воздухе и отличном качестве льда, без примесей и солей. «Медеу» в своё время называли «фабрикой рекордов»: за тридцать три года на катке было установлено сто двадцать шесть мировых рекордов. Почти каждый год проходили чемпионаты по конькобежному спорту, хоккею с мячом, фигурному катанию, спидвею.

Мы тоже с Ренатом били свои рекорды по обмену «Лениных» всех возрастов, серпов, молотов, пятиконечных звёзд, колосьев пшеницы в алых знамёнах на настоящий крутяк – клёвые, яркие наклейки. Про себя мы называли иностранцев «тупыми попугаями», потому что они отдавали за всякую нашу «херню» офигенских Тома и Джерри, масло «Кастрол» и совсем легендарных «Мицубиси». На выходе нас почти всегда ловила милиция и несолоно хлебавши отпускала, нам лет-то было десять или одиннадцать, а вот родителям доставалось: пару раз отца вызывали в КГБ. На этом моё спекулятивное детство закончилось, закончилось детство, но никак не спекуляции.

Отец

Отец мой, Сергей Боев, чистый украинец, родился в 1952 году в Херсонской области, под Одессой. Высокий, подтянутый, сероглазый красавчик с густыми выющимися волосами молниеносно покорила сердце красотки – мамы, поженились на второй месяц знакомства. Спокойный, уравновешенный, добрый, с золотыми руками «от лампочки до унитаза», парень-рубаша. Мать говорила, что я весь в отца, соглашусь, мы, и правда, очень похожи, за решительным исключением домовитых рук. Батю помню лёгким, юморным, со своими приколами и шуточками, мы с братом тянулись к нему и искренно любили в детстве.

Отца тоже воспитывали в духе советского времени: хорошо, сынок, учись, делай карьеру, однако, отец, не знаю, на счастье или на беду, взял больше от оборотистой бабушки, чем от отчима, деда Василия Боева. Отца по блату отправили служить в Германию, а потом за хорошие рекомендации зачислили в институт международных отношений. Но недолго пела песня карьеры международника, с третьего курса батю с треском выгнали за торговые связи с иностранцами, пришлось вернуться в Алма-Ату, добровольно-принудительно закончить энергетический институт. Но и здесь не пропал – устроился энергетиком на ликероводочное предприятие, объединявшее в себе винные заводы, коньячный, пивной, завод по производству шампанского, Кока-колы и лимонада. Голова у отца работала хорошо, помимо достойной зарплаты, батю удавалось и государственные деньги превращать в свои личные, конечно, не в таких масштабах, как наши чиновники-миллиардеры, но всё же хлеб с маслом, джинсы-варёнки, рычащий аки «Мустанг» «Запорожец», трёхкомнатная квартира в центре и два «Чёрных моря» в году у нас были.

Когда мне было двенадцать лет, а Семёну девять, отец ушёл из семьи. Ушёл с одним чемоданом к своей секретарше, некрасивой грубой женщине, к тому же и старше отца на десять лет. Мать говорила тогда: «Ушёл к старухе, – и добавляла, вздохнув, – чем-то она

его приладила». Брат Семён оценивает развод иначе, говорит, как сейчас модно, у них были разные интересы. Отец – весельчак, балагур, душа компании, любитель покутить, а мать – серьёзная, такая «коробочка», всё в дом, всё в дело.

Я не могу утверждать «приладила» эта дама отца или, правда, не сошлись характерами; через несколько лет отец сильно растолстел, обрюзг, пристрастился к алкоголю и скончался от цирроза печени в сорок два года.